

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

*Рыбалка: непременные надежды
и вечное разочарование.*

Артур Янг

— **Н**енавижу начало недели, — пожаловался Джон Картрайт. — Знакомство с новой группой. Все равно что на сцену выходить. Да еще вечно тянет извиниться за то, что я англичанин. Люди, приехавшие в эту шотландскую глушь, ожидают, что их наставником будет какой-нибудь здоровяк Роб Рой, весь волосатый, с певучим говором, мрачными шуточками и во-лынькой в обнимку, а тут я.

— Не мели чушь, — безмятежно отозвалась его жена Хезер. — Всегда отлично выходит. Мы эту школу рыбной ловли уже три года ведем — и ни одного недовольного клиента.

Она нежно посмотрела на мужа. Джон Картрайт был человеком невысоким, худым, жилистым

и нервным, с жидковатой светло-рыжей шевелюрой и выпученными голубыми глазами. Хезер была одной из его первых учениц в «Лохдубской школе рыбной ловли: форель и лосось нахлыстом».

Джон был сражен наповал ее ловким броском назад — а прочие прелести ее анатомии открыл для себя уже только после свадьбы.

Из них двоих лучшим рыбаком слыла Хезер, хотя она тактично скрывала превосходство за материнской мягкостью манер. Несмотря на поразительную разницу темпераментов, и Хезер, и Джон любили рыбалку одной и той же ревностной и самозабвенной любовью.

Рыбалка была для них всем — хобби, работой, страстью. Летом в гостиницу Лохдуба каждую неделю заезжал новый класс. Редко когда в его состав входили одни лишь любители и начинающие — к занятиям зачастую присоединялись опытные рыбаки, поскольку таким образом получали возможность за вполне умеренную плату порыбачить в превосходных местах. Джон брал их на свое попечение, а Хезер нянчилась с новичками.

В класс никогда не набирали более десяти человек. На этой неделе двое участников отпали в последнюю минуту, так что ожидалось всего восемь.

— Итак, — пробормотал Джон, беря в руки листок бумаги, — насколько я понимаю, все вчера вечером благополучно добрались до гостиницы.

Американская чета из Нью-Йорка, мистер и миссис Рот; леди Винтерс, вдова какого-то пэра из лейбористов; Джереми Блайт из Лондона; Элис Вилсон, тоже из Лондона; Чарли Бакстер, из Манчестера, двенадцати лет от роду, — он остановился не здесь, а у своей тетушки в деревне; майор Питер Фрейм. Ох ты, а brave майор у нас не в первый раз. Эти военные, цепляющиеся за свои звания, похоже, никак не могут приспособиться к гражданской жизни. И еще Дафна Гор из Оксфорда. Постараюсь как можно скорее отправить майора в свободное плавание. А ты присматривай за мальчиком.

Джон Картрайт выглянул в окно и нахмурился.

— А вон и наш побирушка констебль. Я предупредил внизу, что нам нужен кофе на восьмерых. Но Хэмиш усядется тут и будет сидеть, как пес, пока не получит подачку. Позвони, что ли, им, попроси добавить еще одну чашку.

— Что этому полицейскому нужно, так это хорошее сочное убийство. Чтобы отлип уже от нас. А то ему делать больше нечего, как день-деньской слоняться по деревне, путаясь у всех под ногами. Джимми, рыбинспектор, на днях мне сказал, что подозревает Хэмиша Макбета в браконьерстве.

— Сомневаюсь, — отозвалась Хезер. — Слишком уж ленив. Ему бы жениться. Ему же тридцать пять, не меньше. По нему почти все деревенские девушки

сохли, кто раньше, кто позже. Ума не приложу, что они в нем нашли.

Она подошла к стоящему у окна мужу, и он обвил рукой ее мягкие плечи. Хэмиш, деревенский констебль Лохдуба, долговязый, тощий и нескладный, вышагивал по набережной перед гостиницей, сдвинув фуражку на затылок и сунув руки в карманы. Форма болталась на его костлявой фигуре, как на вешалке, из слишком коротких рукавов торчали костлявые запястья, а из просветов между краями брюк и форменными ботинками выглядывали шерстяные носки. Сняв фуражку, он почесал ярко-рыжий затылок, потом запустил руку под мундир и задумчиво поскреб подмышку.

Из гостиной, расположенной непосредственно под окнами спальни Картрайтов, расплывался запах свежего кофе. Он явно достиг и ноздрей полицейского — Хэмиш внезапно принялся, втягивая в себя воздух, точно собака, и размашистым шагом двинулся ко входу в гостиницу.

Гостиница Лохдуба — с зубчатыми стенами и башенками, точно у настоящего замка, — была возведена в девятнадцатом веке герцогом Энсти в качестве одной из его многочисленных загородных резиденций. Фасад ее смотрел на ясные, прозрачные воды Лохдуба, а сзади начинался небольшой парк. К прочим достоинствам сего заведения относились олени головы на стенах гостиной,

рыцарские доспехи в вестибюле, топящиеся торфом камины и один из лучших поваров Шотландии. Цены там были астрономические, но туристы стекались толпами, не в последнюю очередь потому, что шоссе резко заканчивалось как раз перед гостиницей, что делало ее единственным прибежищем среди глухих вересковых пустошей и высящихся со всех сторон гор.

Деревня Лохдуб, горстка домишек, выстроенных в восемнадцатом веке для развития рыболовной промышленности в горной части Шотландии, примостилась под сенью двух высоких вершин, прозванных «Двумя сестрами». С самого дня основания население деревни неуклонно уменьшалось.

В ней имелись: магазин-он-же-почта, пекарня, сувенирная лавка и четыре церкви, примерно по пять прихожан в каждой.

Одним из немногих современных строений Лохдуба был полицейский участок. Прежний участок являл собой просто-напросто сырую лачугу. Констебль Хэмиш Макбет объявился в деревне и приступил к обязанностям за год до основания рыболовной школы. Никто не знал, как ему это удалось, но он в два счета добился, чтобы для него построили аккуратный маленький домик, во второй половине которого разместился современный полицейский офис с камерой на одного человека.

Предшественник Макбета совершал объезды на велосипеде. Макбет вытребовал у начальства новенький «моррис». Он завел кур, гусей и огромного слюнявого сторожевого пса неопределенной породы по кличке Таузер.

Лохдуб находился на самом северо-западе Шотландии. Зимой он впадал в долгую спячку, летом туристы вдыхали в него новую жизнь. Туристы по большей части были англичанами, и местные привечали их с внешней шотландской учтивостью и внутренней шотландской лютой ненавистью.

До встречи с Хезер Джон Картрайт целый месяц выбивался из сил, пытаясь добиться, чтобы его курсы рыбной ловли начали окупаться. Это Хезер взяла на себя всю бухгалтерию и разместила рекламу в глянцевых журналах. Это Хезер устроила назначенные Джоном расценки, мудро указав, что клиенты охотно заплатят больше, если будут уверены, что получают нечто совершенно эксклюзивное, а цены даже после повышения остаются в пределах разумного, учитывая, в каких прекрасных и изобилующих лососем реках будет позволено удить участникам. Это в руках Хезер все наконец заработало как следует. Она была пухленькой, седой и по-матерински добродушной. Джон был ее вторым мужем. Он нередко думал, что никогда не узнает, что происходит за безмятежным челом его женушки, но любил ее с той же страстью, что

и рыбалку. Подчас, хоть и неохотно, он признавал, что без нее рыболовная школа навряд ли выжила бы, по большей же части гордился своей деловой хваткой, а жена его ненавязчиво старалась поддерживать мужа в этом убеждении.

Джон одернул старую рыболовную куртку со множеством карманов, взял свои записи и нервно покосился на жену.

— Ты не думаешь, что лучше... ну, встретить их вместе?

— Беги вперед, дорогой, — сказала Хезер. — Крикни меня, как дойдешь до демонстрации узлов. Вот увидишь: начнешь говорить, сразу позабудешь про нервы.

Джон наскоро поцеловал ее в щеку и двинулся к парадной лестнице, молясь про себя, чтобы клиенты подобрались подобродушнее. По крайней мере, майора он знал, хотя майор относился скорее к разряду зол знакомых, а потому менее страшных.

Он толкнул дверь гостиной и, нервно помаргивая, уставился на стоящую внутри группу из восьми человек. Те настороженно разглядывали друг друга. Дурной знак. Обычно к его приходу все уже успевали перезнакомиться.

Констебль Хэмиш Макбет сидел в кресле-качалке перед окном, изучая кроссворд в «Дейли Телеграф» и насвистывая сквозь зубы в обычной своей раздражающей манере.

Джон набрал в грудь побольше воздуха. Свет, мотор, начали. Его выход.

— Пожалуй, для начала нам лучше всего познакомиться, — сказал он, нервно улыбаясь молчащей группе. — Меня зовут Джон Картрайт, я ваш инструктор. По нашему опыту, проще всего бывает обращаться друг к другу по имени. Ну что, кто начнет?

— Что начнет? — высокомерно осведомилась корпулентная дама из числа восьмерых.

— Ха-ха. Ну, кто первым представится.

— Я буду первым, — вызвался голос с американским акцентом. — Меня зовут Марвин Рот, а это вот моя жена Эми.

— Я Дафна Гор, — протянула высокая блондинка, рассматривая свои ногти.

— Джереми Блайт. — Привлекательный молодой человек — коренастый, улыбчивый, со светлыми кудрями и ярко-голубыми глазами.

— Чарли Бакстер. — Двенадцатилетний мальчик. Пухлые щеки, прекрасная кожа, копна черных кудряшек — и поразительно холодные и расчетливые для такой детской физиономии глаза.

— Ну, меня вы уже знаете. Майор Питер Фрейм. Зовите меня просто майором. Меня так все называют. — Маленькие седые усики на худом морщинистом лице, вялый капризный рот, новенький костюм для рыбалки.

— Элис Вилсон. — Хорошенькая, пышущая здоровьем девушка, легкий ливерпульский акцент, не подходящий для рыбалки наряд.

— Я леди Джейн Винтерс. Можете называть меня леди Джейн. Все так называют. — Корпулентная дама. Могучий бюст обтянут шелковой блузкой, могучие бедра выпирают под короткими, до колен, бриджами, на толстых икрах — дымчато-зеленые шерстяные чулки. На широком лице — голубые глаза под тяжелыми веками. Маленький острый нос. Недовольно искривленный рот.

— Теперь, когда мы все представились, давайте выпьем кофе, — бодро предложил Джон.

Хэмиш восстал из кресла и, чуть ссутулившись, подобрался поближе.

Леди Джейн наблюдала за ним с неодобрением.

— А что, деревенский констебль тоже берет уроки рыбной ловли? — осведомилась она. Голос у нее был пронзительный, громкий и какой-то скрежещущий.

— Нет, мистер Макбет часто присоединяется к нам в первый день за кофе.

— С какой это стати?

Леди Джейн, уперев руки в бедра, воздвиглась между Хэмишем и кофейным столиком. Полицейский вытянул шею и заглянул поверх ее пухлого плеча, высматривая кофейник.

— Ну, — не без раздражения начал Джон, которому хотелось бы, чтобы Хэмиш сам за себя отвечал, — все мы любим выпить чашечку кофе и...

— Не для того я плачу налоги, чтобы развлекать государственных служащих, — заявила леди Джейн. — Констебль, ступайте займитесь делом.

Карие глаза констебля взирали на нее с глуповатым дружелюбием. Он попытался было обойти леди Джейн, но она снова перегородила ему дорогу.

— Вам как кофе налить, констебль, по-обычному? — спросил Марвин Рот, высокий рыхловатый мужчина, оплывшей фигурой слегка напоминающий грушу, с благообразной лысиной и в массивных очках с роговой оправой. Вылитый богатенький американец из Верхнего Ист-Сайда, каких рисуют в карикатурах «Нью-Йоркера».

Хэмиш впервые за это время подал голос.

— Обычно-то я все больше чай пью, — сообщил он с мягким шотландским выговором, — но когда возможность представится, всегда рад чашечке кофе.

— Он имеет в виду, надо ли добавлять молока и сахара, — вмешался Джон Картрайт, уже привыкший переводить американизмы.

— Да, сэр, спасибо, — сказал Хэмиш.

Леди Джейн начала раздвигаться от негодования, а Марвин тем временем налил кофе в чашку и протянул над ее плечом констеблю. Элис Вилсон нерв-

но хихикнула и тут же зажала ладонью рот, стараясь сдержаться. Леди Джейн встряхнула могучими плечами — и чашка полетела на пол.

Воцарилась неловкая тишина. Хэмиш подобрал чашку с пола и задумчиво осмотрел ее, а потом медленно повернулся к леди Джейн, которая ответила ему торжествующим взглядом.

— Ох, пожалуйста, дайте полицейскому выпить кофе, — протянула Эми Рот — хорошо сохранившаяся блондинка с большими коровьими очами, мягкой тяжелой грудью и неожиданно сильными и жилистыми запястьями, какие бывают у теннисисток.

— И не подумаю, — упрямо отрезала леди Джейн. Джон Картрайт нервно пролистывал свои заметки, моля небеса ниспослать ему избавление. Ну почему Хэмиш просто-напросто не уйдет во свояси?

Леди Джейн повернулась спиной к констеблю и вызывающе уставилась на Марвина, словно запрящая ему налить новую порцию кофе. Элис Вилсон убито наблюдала за ними. Зачем только она поехала в этот кошмарный отпуск? И стоит ужасно дорого, куда дороже, чем она могла себе позволить.

Однако тут она, к своему изумлению, увидела, как полицейский ухватил большим и указательным пальцами изрядный кусок туго обтянутого бриджами сиденья леди Джейн и со всей душой сжал.